

ALEXANDER I'S REFORMS IN THE KINGDOM OF POLAND IN 1815–1820 IN ESTIMATIONS OF THE RUSSIAN ARISTOCRACY

Purpose

In 1815 the Kingdom of Poland was formed as a part of the Russian empire. Alexander I has implemented a number of liberal reforms and has given the Constitution to the Poles. This policy has caused heated debates among the Russian aristocracy.

The aim of the paper is to find out how the Russian noblemen estimated the political, economic and military reforms implemented in the Polish lands.

Approach

The sources of research are notes, diaries and letters of the Russian officers, civil officials, public figures of nobility.

Findings

Russian officers considered a military reform of the Polish army as very perspective. But the most far-sighted of them were afraid that this army would turn its bayonets against the empire soon.

Representatives of the Russian aristocracy were most divided in estimation of the Polish Constitution. Most of them negatively perceived Alexander I's attempts to democratize a part of the empire in this way and saw there a threat for unity and well-being of the state. These concessions could provoke development of revanchist sentiments among the Poles and make them hope to revive the Great Poland "from sea to sea".

Research implications

Among the Russian youth, the example of the Constitution of the Kingdom of Poland engendered unjustified expectation of soon implement of political freedoms in Russia. A part of progressive officers has interpreted political concessions for Poland as a forerunner of future liberal changes in Russia.

Keywords: *the Kingdom of Poland, Alexander I, reforms, Constitution, Russian aristocracy, memoirs.*

Лариса Лихачева
(к.и.н., доц. каф. истории славян ДонНУ. lblix@yandex.ru)

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА I В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 1815–1820-х гг. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Значительная часть польских земель после Венского конгресса оказалась в составе Российской империи и была выделена в отдельную административно-территориальную единицу – Королевство Польское. Александр I провел в нем ряд

либеральных реформ и даже даровал полякам в 1815 г. Конституцию. Политика императора вызвала бурное обсуждение российского дворянства.

Источниками для написания статьи стали записки, дневники и письма российских высших офицеров, служивших на территории Царства Польского, гражданских чиновников, а также общественных деятелей, историков, писателей из дворянского сословия.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать эти весьма субъективные источники, и выяснить, как российские дворяне оценивали политические, экономические и военные реформы, проводимые Александром I на вновь обретенных польских территориях.

Мы можем констатировать, что источники личного происхождения отражают разные оценки реформ Александра I в Царстве Польском.

Очень перспективной русские офицеры считали военную реформу польской армии. Они позитивно отзывались о введении всеобщей воинской обязанности, фортификационном строительстве, перевооружении. Вместе с тем, они с некоторой обидой отмечали, что в русской армии жалованье значительно ниже, а оружие – хуже, чем в польской. При этом наиболее дальновидные из современников опасались, что реформированная польская армия вскоре повернет свои штыки против российского царя.

Наиболее сильно разошлись представители российской аристократии в своих оценках Конституции, дарованной Царству Польскому. В большинстве своем они отрицательно отзывались о попытках Александра I таким образом демократизировать часть своей империи и усматривали в этом угрозу для единства и благополучия государства. У поляков под воздействием сделанных уступок вполне могли развиться реванистские настроения и надежды на возрождение Великой Польши «от моря до моря». А у российской молодежи пример Конституции Царства Польского породил неоправданное ожидание скорого введения политических свобод в России.

Подтверждением этих предположений служит позиция части прогрессивно настроенной дворянской молодежи, которая восприняла политические уступки для Польши как предтечу грядущих либеральных перемен в России. Декабристы Никита Муравьев и Сергей Волконский впоследствии отмечали, что именно позиция императора относительно Царства Польского подтолкнула их к борьбе за конституционный порядок в России.

Ключевые слова: Царство Польское, Александр I, реформы, конституция, российское дворянство, мемуары.

Наполеоновские войны в Европе подарили польским землям надежду на возрождение государственности. В 1807 году Наполеон из территорий, захваченных Пруссией во время второго и третьего разделов Польши, создал Великое княжество Варшавское. В 1809 году к нему были присоединены территории, вошедшие в состав Австрии после третьего раздела Речи Посполитой. Однако после 1812 года, когда армия Наполеона была разбита, а российские войска оказались в Париже, в

антинаполеоновской коалиции остро встал вопрос о дальнейшей судьбе польских земель.

Австрия и Пруссия настаивали на ликвидации княжества Варшавского и возвращении своих территориальных владений 1795 г. Однако российский император Александр I воспротивился механическому восстановлению границ довоенного раздела Польши. На Венском конгрессе 1815 года он добился включения большей части Великого княжества Варшавского в состав Российской империи. Новые российские земли площадью 127 тысяч кв. км и с населением 3,3 млн. человек получили название Королевства Польского или, по российской традиции Царства Польского [1].

Политика, которую российский царь Александр I, ставший польским королем, начал проводить по отношению к своим новым владениям, вызывала бурные дискуссии в среде российской аристократии. Офицеры и гражданские чины, проходившие службу на территории Царства Польского, а также российская дворянская общественность оставили большое количество записок, дневников, писем и воспоминаний, отражающих как изменения, происходившие в польских землях империи, так и отношение общества к ним.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать эти весьма субъективные источники, и выяснить, как российские дворяне оценивали политические, экономические и военные реформы, проводимые Александром I на вновь обретенных польских территориях.

Историки начали изучение преобразований в Царстве Польском и их последствий еще в XIX в. – об этом писали З.Ленский, Е.М.Феоктистов, С.Ф.Платонов, Н.Д.Сергеевский и др. [2]. При этом все они свидетельствовали, главным образом, о причинах принятия Конституционной Хартии 1815 г. и реакции польского общества на либеральные инициативы императора. А вот оценки тех же событий российской аристократией оставались малоизученными, хотя сами воспоминания очевидцев и участников событий были опубликованы.

В советский период исследование проблемы продолжили Л.А.Обушенкова, О.В.Орлик, Я.Лескевичова и др. [3]. В силу идеологических причин историки в это время основное внимание обращали на рост протестных настроений в польском обществе, на предпосылки создания тайных организаций и подготовку восстания. Записки российских дворян, считавшихся классовыми врагами, авторы этой эпохи в качестве источников вовсе не использовали. Таким образом, можно сделать вывод о новизне темы: в данной постановке проблема не изучалась историками ни до революции, ни в советское время.

Источниками для написания статьи стали, в первую очередь, записки, дневники и письма российских высших офицеров, служивших на территории Царства Польского: генералов Дениса Давыдова, Павла Киселева и Алексея Ермолова, генерал-адъютанта Павла Колзакова, генерал-контролера Царства Польского Околова, флигель-адъютанта императора Александра Михайловского-Данилевского. Их дополняют воспоминания и оценки гражданских чиновников (московского градоначальника Федор Растопчина, председателя временного управления герцог-

ства Варшавского В.С.Ланского и др.), а также общественных деятелей, историков, писателей из дворянского сословия (В.Каразина, В.Крестовского, Н.Костомарова). Все эти авторы были прекрасно проинформированы о реакции на реформы в Царстве Польском со стороны российского офицерского корпуса, польской армии, русской и польской общественности и высшего света.

Первыми разницу в обустройстве, по сути дела, новой колонии, получившей название Королевство Польское, и собственно империи заметили военные. Дело в том, что еще до окончания Венского конгресса Александр начал проводить реформу польской армии.

Легендарный партизан, герой войны 1812 года Денис Давыдов в своих воспоминаниях рассказывал о том, что войско польское строилось не на системе рекрутчины, а на принципах всеобщей воинской обязанности. «Назначенный восьмилетний срок для службы рядовым польской армии послужил прекрасным средством постепенному ознакомлению всей нации с военным ремеслом; при первом востребовании уволенных от службы, польская армия могла быть легко удвоена и утроена без малейшей потери времени на обучение вновь поступающих рекрутов» [4], - писал Денис Давыдов. Напомним, в самой России подобный подход к формированию армии был внедрен лишь в 1874 г. – в ходе осуществления военной реформы Александром II. Боевой генерал сетовал, что «польским войскам было назначено жалование, значительно превосходящее оклад, определенный российским; оружие всякого рода, порох и заряды были высылаемы с избытком из России; крепости были улучшены по новейшим системам» [5].

Командующим польским войском был назначен великий князь Константин, брат Александра. По оценке все того же Давыдова, цесаревич с первых же дней пребывания в польских землях проявил себя самодуром и деспотом. «По установлении русского владычества в Варшаве цесаревич, сначала довольно милостивый к полякам, дал вскоре полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посещая полки во время ученьев, он нередко в припадках бешеного гнева, врезываясь в самые ряды войск, осыпал всех самыми неприличными бранными словами. Он говаривал начальникам при всех: «Вы - отъявленные свиньи и негодяи. Истинное несчастье командовать вами», - вспоминает современник [6].

С такой оценкой Дениса Давыдова был категорически не согласен военный журналист и писатель Всеволод Крестовский. Не будучи непосредственным участником тех событий, он на основе большого количества воспоминаний, рукописных заметок и устных рассказов современников, составил достаточно полный срез общественного мнения. Многие российские офицеры воспринимали Константина Павловича как достаточно толкового руководителя. «Порядок службы и воинских занятий в Варшаве, благодаря трудам и пониманию, а так же умению Цесаревича, был доведен до образцовой степени», - писал В.Крестовский [7].

При этом отмечал, что на формирование польской армии «не без опасений за будущее глядели русские люди». Так председатель временного управления герцогства Варшавского В.С.Ланской писал императору: «Войско польское, коего прежнее поведение и своеобразные к оному наклонности противны священным

нашим правилам и потому, если я не ошибаюсь, то в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить на нас яд свой» [8].

Как известно, Александр к подобным предостережениям всерьез не относился. Более того, он предоставил польским землям невиданные для самодержавной России политические права. «Он искренно хотел осчастливить народ польский и потому, руководствуясь желаниями и чувствами польской интеллигенции, назначил своим наместником в Варшаве не Цесаревича Константина, а заклятого старого врага России и ревностного республиканца прежних дней Заиончека. Этот последний не замедлил составить все управление по гражданской части из людей, заведомо принадлежащих к партии самой враждебной для России. Великий Князь Константин Павлович... не принял никакого участия в управлении Царством и скромно ограничился только ролью главнокомандующего польскою армией», - так расценили политику Александра I наиболее лояльные представители российской аристократии [9].

27 ноября 1815 года Польша в составе России получила от царя Конституцию, по которой поляки имели свой сейм и свое правительство. «Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из царя и из двух палат. Первая образуется из сената, вторая из послов и депутатов от гмин», - говорилось в этой конституции [10].

Польское общество с ликованием встретило известие о либеральных преобразованиях. «Варшава представляла в ту эпоху самый оживленный вид: город обустроивался, украшался; эмигранты польские, получив широкую амнистию толпами возвращались в свои дома и поместья; увеселения и празднества становились все чаще и чаще: русская военная молодежь дружилась с польскою, и дух прежней вражды, казалось, уже исчезает понемногу; польские красивые панны переставали коситься на «москалей», и наши уланы в угодность им заговорили по-польски, ломая свой благозвучный язык на их шипящее наречие», - так описывает атмосферу Варшавы 1815 года генерал-адъютант Павел Колзаков [11].

Российский император, который по отношению к Королевству Польскому являлся конституционным монархом, торжественно поклялся соблюдать Конституцию. 15 марта 1818 года Александр I лично выступил в варшавском сейме. Он был одет в польский мундир с орденом Белого орла. «Вы подали мне средство явить моему отечеству то, что уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут настоящей зрелости», - заявил император. Он выразил уверенность, что Королевство докажет, что «законно-свободные учреждения, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная» [12].

Российская аристократия встретила польские начинания своего императора очень неоднозначно. Даже ближайшее окружение Александра было весьма недовольно подобным отступлением царя от основ самодержавия. Так, флигель-адъютант императора Александр Михайловский-Данилевский записал в своем дневнике: «Русских, находившихся в Варшаве, всего более занимала речь, произнесенная

императором при открытии народного собрания, в которой сказано было, что государь намерен был и в России ввести политическую свободу. Без сомнения, весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца» [13].

Историк Николай Карамзин жестко раскритиковал несоответствие идей ограничения монархии конституцией реалиям российского общества. «Царь, - писал он, - исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью...». Основатель русского консерватизма сообщал в письме своему другу поэту Ивану Дмитриеву: «Варшавские новости сильно действуют на умы. Варшавские речи сильно отзывались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию. Судят, рядят, начинают и писать. Иное уже вышло, иное готовится... И смешно и жалко» [14].

Граф Михаил Сперанский, известный как один из соавторов многих реформ Александра I, в письме приятелю отмечал, что речь монарха в Варшаве, которую многие восприняли как свидетельство близящегося освобождения крестьян, вызвала в Москве «припадки страха и уныния». Еще один соратник Александра I по либеральным проектам Василий Каразин предостерегал: «Теперь с той же дерзостью, почти с тем же унынием, наполняющим мою душу, предсказываю я великие беспокойства в отечестве нашем и весьма не в отдаленном будущем... Дух развратной вольности более и более заражает все сословия».

Герой войны 1812 года Алексей Ермолов писал своему товарищу Арсению Закревскому: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец... В руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствовать народ своей воле... Я очень верю, что при моей жизни не последует никакой перемены» [15]. В свою очередь сам генерал Закревский в письме своему давнему другу графу Павлу Киселеву неодобрительно заметил: «Речь государя, на сейме говоренная, прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие» [16]. Обращает на себя внимание, что неудовольствие польской Конституцией и выступлением императора в сейме высказывалось преимущественно в письмах российской аристократии друг к другу и в личных дневниках.

Вместе с тем, следует отметить, что часть дворянства восприняла слова Александра I с надеждой на перемены и как руководство к действию. По словам генерала Павла Киселева, после выступления царя в сейме армейские офицеры «возмечтали много о будущем своем блаженстве». Бывший московский градоначальник Федор Растопчин сообщает: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят конституции» [17].

В некоторой степени, варшавская речь императора Александра I стала идеологической основой декабристского движения. Руководитель Северного общества Никита Муравьев уже после подавления восстания отмечал, что «...право Союза (Благоденствия) опиралось также на обетах власти, которой гласное изъяснение и имеет силу закона в самодержавном правлении» [18]. Похожие мысли высказал другой декабрист Сергей Волконский. «Слова его (Александра I) о намерении

его распространить и в пользу России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечатление в моем сердце как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего его быта. С этой поры моей жизни думы мои приняли другое направление» [19].

Третья группа российской аристократии не восприняла создание Королевства Польского и дарование ему конституции всерьез. Точно так же некоторые дворяне не увидели в выступлении в сейме никаких обещаний либеральных перемен. Так, Петр Вяземский на полях подаренного Александру Тургеневу переведенного им варшавского издания речи Александра I, напротив слов о намерении распространить конституцию на Россию, сделал ироничную приписку: «Верьте этому и попивайте водичку» [20].

И, наконец, часть русского дворянства была уверена, что эксперимент Александра I с демократизацией отдельной части империи потерпит крах. Прежде всего, это произойдет потому, что поляки не оценят по достоинству сделанные им самодержавным монархом конституционные уступки. Денис Давыдов считал, что «Заблуждения этого монарха, надеявшегося навсегда прекратить искони существующую между Россией и Польшей вражду, стоили нам дорого... Польша, чреватая (беременная) мятежом, зарожденным в ней Александром I в минуты несчастной либеральной склонности его, нетерпеливо ожидала срока своего разрешения» [21]. С ним согласились и другие боевые офицеры. «На одном из смотров, — рассказывает в своих записках будущий душитель польского восстания 1830 года Иван Паскевич, — подхожу к графу Милорадовичу и графу Остерману-Толстому и спрашиваю: «Что из этого будет?». Остерман отвечал: «А вот что будет — через 10 лет ты со своей дивизией будешь Варшаву штурмовать» [22]. Остерман ошибся всего на 2 года...

Между тем, первоначально формирование Царства Польского, вопреки опасениям достаточно представительной части российской аристократии, шло в заданном императором направлении. Высшее общество Варшавы всячески демонстрировало лояльность к польскому королю. «Дворянство польское ввиду неуверенности относительно намерений Императора Александра, старалось заискивать в расположении русских и ничего не щадило для достижения этой цели. Знатнейшие магнаты спешили открывать свои богатые «палацы» для принятия новых гостей. Смирняя в себе чувство вражды, старались они потопить его в роскошных пирах, где испивалось полными чашами вино за братское соединение двух славянских племен», — вспоминает генерал-адъютант Павел Колзаков [23].

Постепенно восстанавливалась экономика польских земель. Генерал Денис Давыдов сообщает, что «в первые годы владычества России над этим царством, изнуренным войнами, контрибуциями всякого рода, все расходы были приняты Россией на свой счет, доходы же были обращены лишь на удовлетворение потребностей царства. По распоряжению нашего правительства были выданы ссуды для торговых операций; из кредитной кассы было роздано от 72 до 106 миллионов рублей в видах поощрения земледелия; пошлина с ввозимых в Россию польских

сукон была уменьшена до одного процента, отчего таможня потеряла в течение 15 лет до 60 миллионов рублей» [24].

О небывалом экономическом подъеме польских земель свидетельствует и Павел Колзаков. «Вместе с Варшавою развивалась вся Польша и расцветала... с каждым годом. Из прежней, опустошенной междоусобными и Наполеоновскими войнами страны, страны являлось новое, благоустроенное, цветущее торговлею и богатство государство. Из старых пепелищ стали воздвигаться красивые города и села; проведены отличные шоссе, закипели фабрики и сельская промышленность расцвела. Конституция и либерально-гуманное управление, дарованное полякам императором Александром, сделалось залогом для будущего счастья всех сословий» [25], - вспоминал современник. По словам Колзакова, польский язык был господствующим во всех административных сферах, и «даже русские должны были подчиняться общему порядку и в своих делах подавать просьбы на чуждом, часто непонятном им языке» [26].

Однако, несмотря на все вышесказанное, со временем в польском обществе начало проявляться недовольство политикой Империи. Российские офицеры и генералы, проходившие службу в Царстве Польском, стали замечать «как будто охлаждение к себе со стороны поляков». «Не имея права надеяться ни на что, и неожиданно получив гораздо более того, о чем еще столь недавно едва дерзали робко мечтать – поляки вдруг перестали обращать внимание на милостивый дар их великодушного победителя. Помня только то, чего не удалось получить им (то есть, полного восстановления в границах 1772 года), они стали роптать и утверждать, что Государь дал им Конституцию, с тайной мыслью никогда не выполнять ее», - так описал общественное мнение, царившее среди российской аристократии в Варшаве В.Крестовский [27].

По мнению современников, открыто недовольство польской элиты существующими порядками впервые проявилось в 1820 году. «Уже на втором сейме, открывшемся в 1820 году в Варшаве, обнаружилось стремление некоторых лиц к приобретению личной известности выходками, лишенными даже приличия. Члены сейма не столько занимались суждениями о предметах, представленных им правительством, сколько предавались буйным против него возгласам; они находили, что введенные нашим правительством учреждения были слишком тягостны для развития благосостояния страны», - вспоминал Д.Давыдов [28]. Ему вторил В.Крестовский: «Новый Варшавский сейм, без всяких веских оснований, а единственно ради игры в либеральную оппозицию, с предубеждением принял проекты законов, предложенные правительством, и почти без совещания отвергнул их. Таким образом, хорошие отношения между Высочайшей властью и польскими подданными были разрушены и все дарованные им благодеяния разом и окончательно забыты» [29].

После этого Александр I перешел на антилиберальные позиции. Он не созывал сейм 5 лет, а перед сеймом 1825 года, с целью лишить польских политиков трибуны для общественной презентации своей позиции и пропаганды вольнолюбивых идей, отменил открытость заседаний [30]. Эти действия монарха были расценены

представителями российской аристократии как лишение Царства Польского Конституции. «Государь, увидев, какие беспорядки возникли во время прений сейма, лишил поляков конституции, объяснив, что они «еще не умеют пользоваться свободой». Генерал-контролер Царства Польского Околов сказал по этому поводу А.П.Ермолову: Государь сделал большую ошибку, дозволив полякам собираться на сейм: это слово, напоминая им бывшее, в состоянии свести с ума не одну голову» [31]. На самом деле формально конституция Царства Польского формально была сохранена, но сфера ее применения была заметно сужена.

Протестные настроения не исчезли – они переместились в подполье. В официальной общественно-политической жизни польско-русские отношения представляли собой вполне идиллическую картину. «Шел год за годом в непрерывных весельях и удовольствиях. Казалось, по-видимому, что два единоплеменные народы, прежде так долго враждовавшие между собой должны были, наконец, слиться в неразрывных узах братства и любви. Русские все заговорили по-польски; вся наша военная молодежь обзавелась «коханками» и помышляла только о любовных интригах, о танцах и других увеселениях... Русское воинство в Варшаве прельщенное и ослепленное, утопало в наслаждениях чувственных, не заботясь о будущем и не думая вовсе, что могут настать когда-нибудь худшие времена», – так охарактеризовал одну из причин социального взрыва в Царстве Польском генерал-адъютант Павел Колзаков [32]. По мнению русского офицера, именно благодушие российской администрации позволило польским заговорщикам в 1830 году поднять восстание, ход и подавление которого во многом предопределили дальнейшее развитие польских земель.

Таким образом, мы можем констатировать, что источники личного происхождения – воспоминания, записки, письма, оставленные российской аристократией – отражают разные оценки реформ Александра I в Царстве Польском.

Очень перспективной русские офицеры считали военную реформу польской армии. Они позитивно отзывались о введении всеобщей воинской обязанности, фортификационном строительстве, перевооружении. Вместе с тем, они с некоторой обидой отмечали, что в русской армии жалованье значительно ниже, а оружие – хуже, чем в польской. Особенное непонимание в среде русского офицерства вызывал тот факт, что Александр I амнистировал и осыпал милостями польских военных, которые до последнего дня войны поддерживали Наполеона и воевали против России. При этом наиболее дальновидные из современников опасались, что реформированная польская армия, способная в короткие сроки утроить свой состав за счет уволенных в запас, вскоре повернет свои штыки против русского царя.

Все авторы отметили, что благодаря экономическим преобразованиям, проведенным в Царстве Польском – временному освобождению от налогов, снижению пошлин, мощной кредитной поддержке – в польских землях в составе Российской империи начался экономический подъем. При этом они со скрытым раздражением констатировали, что сама Россия понесла от этих мер, направленных на процветание польской экономики, немалый финансовый ущерб.

Наиболее сильно разошлись представители российской аристократии в своих оценках Конституции, дарованной Царству Польскому. В большинстве своем они отрицательно отзывались о попытках Александра I таким образом демократизировать часть своей империи. И М.Сперанский, и А.Ермолов, и Н.Карамзин, и В.Каразин усматривали в этом угрозу для единства и благополучия государства. Причем опасность, по их мнению, могла исходить и от поляков, и от русских. У поляков под воздействием сделанных уступок вполне могли развиваться реваншистские настроения и надежды на возрождение Великой Польши «от моря до моря». А у российской молодежи пример Конституции Царства Польского порождал смятение в умах, неоправданное ожидание скорого введения политических свобод в России.

Подтверждением этих предположений служит позиция части прогрессивно настроенной дворянской молодежи, которая восприняла политические уступки для Польши как предтечу грядущих либеральных перемен в России. Декабристы Никита Муравьев и Сергей Волконский впоследствии отмечали, что именно позиция императора относительно Царства Польского подтолкнула их к борьбе за конституционный порядок в России.

Некоторые из современников, в первую очередь, российские офицеры, находившиеся в момент провозглашения Конституции в Варшаве, просто не восприняла всерьез намерения императора. Они отмечали, что любопытно и необычно было слушать его выступление в Варшаве, однако, это вряд ли изменит существующее положение.

Практически все проанализированные источники отмечают, что именно либерализм императора породил рост протестных настроений и завышенных ожиданий в польском обществе. Авторы воспоминаний объясняют это исключительной неблагодарностью поляков, не оценивших дарованной им свободы. Российское дворянство, сформировавшееся в самодержавной стране, не в состоянии было принять логику польского общества, помнившего века «шляхетской демократии», и воспринимавшего права, прописанные в Конституции, не как милость самодержца, а как естественное общественное устройство.

РЕЗЮМЕ

Статья представляет анализ реакции российского дворянства на либеральные преобразования, проведенные Александром I в Царстве Польском после Венского конгресса. Выявлено, что представители российской аристократии позитивно оценили экономические и военные реформы в польских землях. В оценках Конституции 1815 г. российские дворяне сильно разошлись во мнениях. В большинстве своем они отрицательно отзывались о попытках Александра I таким образом демократизировать часть своей империи и усматривали в этом угрозу для единства и благополучия государства. Однако прогрессивное офицерство восприняло политические уступки для Польши как предтечу грядущих либеральных перемен в России.

Ключевые слова: Царство Польское, Александр I, реформы, конституция, российское дворянство, мемуары.

РЕЗЮМЕ

У статті аналізується реакція російського дворянства на ліберальні перетворення, які були проведені Олександром I у Царстві Польському після Віденського конгресу. Виявлено, що представники російської аристократії позитивно оцінили економічні та військові реформи на польських землях. У оцінках Конституції 1815 р. російські дворяни сильно розійшлися у поглядах. У більшості своїй, вони негативно відгукнулися про спроби Олександра I таким чином демократизувати частину своєї імперії; вони бачили у цьому загрозу для єдності та добробуту держави. Однак прогресивне офіцерство сприйняло політичні поступлення для Польщі як предтечу майбутніх ліберальних змін у Росії.

Ключові слова: Царство Польське, Олександр I, реформи, конституція, російське дворянство, мемуари.

SUMMARY

The paper analyzes a reaction of the Russian aristocracy on Alexander I's liberal reforms which were implemented in the Kingdom of Poland after the Vienna Congress.

The author has revealed that the Russian noblemen estimated economic and political reforms in Poland as positive. Representatives of the Russian aristocracy were most divided in estimation of the Polish Constitution of 1815. Most of them negatively perceived Alexander I's attempts to democratize a part of the empire in this way and saw there a threat for unity and well-being of the state. However, progressive officers have interpreted political concessions for Poland as a forerunner of future liberal changes in Russia.

Keywords: the Kingdom of Poland, Alexander I, reforms, Constitution, Russian aristocracy, memoirs.

Примечания:

1. Дильонгова Г. Історія Польщі 1795–1990 / Г. Дильонгова [Пер. з пол. М. Кір-сенка]. – К. : Києво-Могилянська академія, 2007. – С. 24.
2. Ленский З. Польша в первой половине XIX века /З.Ленский // История России в XIX веке. Т.1. – СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, б/г. – С. 260 – 326.; Платонов С.Ф. Учебник русской истории / С.Ф.Платонов. – СПб.: Наука, 1993. – 428 с.; Феокистов Е. М. Польские интриги в первой четверти нынешнего столетия/ Е.М.Феокистов // Русский Вестник. – 1865. – № 7; Он же. Польша после 1815 года // Русский Вестник. – 1865. – № 8; Сергеевский, Н. Д. Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. 1815–1881 / Н. Д. Сергеевский. – СПб., 1907. –178 с.; Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке /А.Л.Погодин. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1915. — 297 с.
3. Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815 – 1830 гг. Экономическое и социальное развитие /Л.А.Обушенкова. – М.: Наука, 1979. – 296 с.; Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815—1829 гг. / О. В. Орлик. — М.:

- Наука, 1998. – 218 с.; Лескевичова Я. Общество Королевства Польского (1815-1864 гг.) в свете новейших исследований / Я. Лескевичова // Вопросы истории. - 1977. - № 12. - С. 112-118; Лескевичова Я. Социальная структура общества в Королевстве Польском (1815-1864) / Я. Лескевичова // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сб. статей. - М.: Мысль, 1982. - С. 55-68.
4. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] / Д. Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа к ст.: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>
 5. Там же.
 6. Давыдов Денис Васильевич. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче [Электронный ресурс] / Д. В. Давыдов // Давыдов Д. В. Стихотворения. Военные записки. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. - Режим доступа - <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Davidov5/>
 7. Крестовский В. История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка / В. Крестовский. - Спб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, 1878. - С. 93.
 8. Там же. – С. 85.
 9. Там же. – С. 84.
 10. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814 - 1881). - СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, 1907. – С. 58.
 11. Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова. 1815—1831. / К. П. Колзаков // Русская старина. – 1873. — Т. 7. — № 4. — С. 427.
 12. Речь Александра I при открытии сейма // Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – С. 157.
 13. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия / С. В. Мироненко. – М.: Мысль, 1990. – С. 20 – 21.
 14. Орлов Н. А. Усмирение Польского восстания 1830–1831 гг. // История русской армии. 1812–1864 гг. [Электронный ресурс] / Н. А. Орлов. - Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html
 15. Письмо А. С. Ермолова А. А. Закревскому 13 мая 1818 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, 1890. – Т. 73. – С. 280 – 281.
 16. Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств / Л. М. Ляшенко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – С. 217.
 17. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. - М.: Наука, 1989. – С. 159.
 18. Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I [Электронный ресурс] / А. Н. Пыпин // Исследования и статьи по эпохе Александра I. - Режим доступа: http://dugward.ru/library/pypin/pypin_obchestvennoe_dvijenie.html
 19. Волконский С. Г. Записки / С. Г. Волконский. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1991. – С. 354 – 355.
 20. Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов / Ю. М. Лотман. //

Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1960. - Вып. 98. – С. 134.

21. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] /Д.Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа к ст.: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>
22. Орлов Н. А. Усмирение Польского восстания 1830–1831 гг. // История русской армии. 1812–1864 гг. [Электронный ресурс] /Н.А.Орлов. - Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html
23. Крестовский В. Указ. соч.– С. 82.
24. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] /Д.Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа к ст.: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>
25. Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова. 1815—1831. / К.П.Колзаков // Русская старина. – 1873. — Т. 7. — № 4. — С. 427.
26. Там же. – С. 427 – 428.
27. Крестовский В. Указ. соч.– С. 83.
28. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] /Д.Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа к ст.: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>
29. Крестовский В. Указ. соч.– С. 125.
30. Дильонгова Г.. Указ. соч. – С. 27.
31. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] /Д.Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа к ст.: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>
32. Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова. 1815—1831. / К.П.Колзаков // Русская старина. – 1873. — Т. 7. — № 4. — С.443.

Рукопис до редакції надійшов 25.09.2013 р.